

Николай ПОДОСОКОРСКИЙ

📍 Великий Новгород, Россия

Фото: из личного архива автора

Историк культуры, литературный критик, эссеист, книжный обозреватель. Окончил истфак Новгородского университета. Кандидат филологических наук.

Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Новый мир», «Знамя», «Вестник Европы», «Дружба народов», «Волга»; сетевых изданиях «Горький», «Гефтер», «Континент», Colta.ru, «Литература», «Формаслов»; «Учительская газета» и др.

Лауреат премии журнала «Вопросы литературы» (2011); независимой литературной премии «Дебют» (2015) в номинации «эссеистика»; премии «Блог-пост. Лучший книжный блог года» (2019) в номинации «Лучший книжный Stand-alone-блог»; премии Роспечати, Российского книжного союза и журнала «Книжная индустрия» «Ревизор» (2020) в номинации «Блогер года»; гуманитарной и книгоиздательской премии «Книжный червь» (2020) в номинации «Urbi et orbi» – «За верность просветительству, за старое вино книги в новых мехах современных медиа»; премии журнала «Знамя» (2023).

Автор многочисленных научных и литературно-критических трудов, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX–XXI веков.

В № 2 (6) за 2024 год «Тайных троп» опубликована рецензия «Власть Ботинок, или Диктатура Антониу Салазара», в № 4 (8) – рецензия «“Изменить мы этого не можем”?».

Малютка-жизнь Елены Холмогоровой

Холмогорова Е. С. *Недрогнувшей рукой: рассказы*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025. 248 с.

Книга воспоминаний писательницы, редактора, эссеиста, педагога, ответственного секретаря и заведомом прозы журнала «Знамя» Елены Холмогоровой названа «Недрогнувшей рукой», и она действительно производит впечатление написанной легко и при этом твёрдо, хотя за многими рассказанными в ней жизненными историями, очевидно, скрывается гораздо больше сомнений, разочарований, печали, страданий и горя, чем может показаться на фоне господствующего оптимистического настроения автора. Но мемуаристка рассказала о себе и о своём окружении ровно то и так, что и как сочла нужным и уместным, и эта её книга в итоге получилась размеренной, спокойной, жизнеутверждающей, утешающей и мудрой.

Охватывая большой исторический период (с 50-х годов XX века и до 2024 года), воспоминания Холмогоровой вне строгой хронологической последовательности раскрывают различные этапы жизненного становления выдающегося представителя московской творческой среды — через подробное описание специфики советского и российского быта, внутренних ощущений от взросления в семье и учёбы/работы в «советском коллективе», выстраивания любовных и дружеских отношений, размышлений о смысле жизни, смерти, старении, а также путешествий по разным городам и странам. Как это свойственно сочинениям и особенностям мировосприятия советских интеллигентов, мемуары испещрены различными литературными цитатами и отсылками, но у Холмогоровой во многих случаях авторы приводимых цитат — это её современники, друзья и коллеги.

В этой книге упоминаются многие видные деятели культуры и мыслители второй половины XX века, связанные с автором мемуаров родственными связями: переводчица и исследовательница японской литературы Вера Маркова (бабушка), художник Леонид Фейнберг (дедушка), переводчик Сергей Северцев (отец), писатель Михаил Холмогоров (муж), антропософ Сергей Прокофьев (двоюродный брат) и др. Холмогорова пишет о них очень деликатно, без экзальтированной идеализации и какого-либо «сведения личных счётов», чем грешат иные мемуаристы, придерживающиеся как старой, так и новой этики.

О чём эта книга? Прежде всего, о беззаветной любви к близким людям и об отношении к родным, которых давно и хорошо знаешь, как к носителям некой *тайны*, что большая редкость в творческих людях, зачастую зацикленных на собственной карьере и личном успехе. Одни из самых проникновенных мест книги — рассказы Елены Сергеевны о её муже, писателе Михаиле Холмогорове (1942–2017) и его понимании бессмертия в единстве с природой. Собственно книга начинается с главы «Безутешная радость», в которой мемуаристка делится полумистической историей своего посещения кладбища ранним утром 1 января 2018 года, чтобы встретить Новый год с ушедшим мужем. Других людей на кладбище тогда по понятным причинам не оказалось, зато вход в калитку внезапно перегородила огромная белая собака — страж порога, охраняющий границу между мирами. Только дар слова и прямое обращение к зверю позволили автору пройти за ограду и возложить цветы на дорожку могилу.

Еще эта книга о необыкновенном трудолюбии, без которого радость от жизни никогда не бывает полной. Автор так вспоминает о завете своего деда-художника:

«Когда мне было тринадцать лет и я проводила лето в деревне у моей няни тётки Пани, дед, рассказывая о работе над иллюстрациями к какой-то из многочисленных им оформленных книг, пророчески написал мне в одном из писем: “Что может быть лучше работы? Она и кормит, и поит, и крышу даёт над головой. Работа — убежище от всех грустных мыслей и всех огорчений. Работу надо любить. От работы получают книжечки. А книжечки нас утешают, радуют. Мы ими гордимся, как детками и внуками”».

Также эта книга о свободе — отнюдь не только гражданской или политической, но, прежде всего, внутренней. Свободе от жёстких установок социума, дорогих вещей, мещанского комфорта и вообще от любых личных привязанностей, мешающих смотреть вперёд и жить дальше. Автор замечательно описывает своё отрочество, проведённое в деревне, и умеет видеть свободу и достоинство в тех окружающих людях, которые почти всю жизнь жили в, казалось бы, едва ли не рабских условиях тяжелейшего и практически не оплачиваемого труда.

Кроме того, эта книга о благодарности если не Богу, то судьбе — за то, что, даже нанося те или иные удары, она позволяла воспринимать их не как вечно незаживающие раны, но как ценный опыт и уроки подлинного самосознания. Автор в частности рассказывает, как во время недавнего посещения Израиля судьба напомнила о себе через новое испытание:

«Когда я оказалась в Израиле во время хамасовских атак, сидела в бомбоубежище, а над головой рвались сбитые “Железным куполом” ракеты и по несколько раз в день жизнь прерывало завывание воздушной тревоги, почему-то я не столько думала о грозящей опасности, а перебирала в памяти все напасти, которые прошли мимо».

Представляют большой интерес истории о дружбе и совместной работе Холмогоровой с историком-востоковедом Григорием Мирским; математиком и бывшим политзаключённым Юрием Шихановичем; вдовой Николая Бухарина — Анной Лариной; женой академика Сахарова, общественным деятелем Еленой Боннэр и др. С двумя последними автор книги много работала как редактор. Вот как, к примеру, она описывает свою встречу с харизматичной Еленой Георгиевной Боннэр:

«Лето 1990 года. Я уже работаю в журнале «Знамя». Нашему главному редактору Григорию Яковлевичу Бакланову удалось уговорить Елену Георгиевну Боннэр на первую публикацию в России «Воспоминаний» Андрея Дмитриевича Сахарова. <...>

Мы едем в знаменитую сахаровскую квартиру на улице Чкалова. Григорий Яковлевич немного волнуется, по дороге покупаем цветы, долго выбираем,

советуемся. Розы, не стовариваясь, отвергаем, а вот что в итоге купили — не помню. Разговор сложный, мы не можем опубликовать текст целиком, журнальная площадь не позволяет, надо сокращать. <...>

Когда принципиальная договоренность была достигнута, Бакланов откланялся, оставив меня для конкретных разговоров. Уходя, сказал с улыбкой:

— Надеюсь, вы тут без меня Алёну не съедите. А то о вас всякое говорят.

И Елена Георгиевна, как всегда точно улавливая интонацию и безошибочно попадая в тон собеседнику, ответила:

— Ну, если что, я косточки на адрес редакции отправлю.

Потом я работала с Еленой Георгиевной уже над её собственными книгами — «Postscriptum», «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова» и, конечно же, над замечательными мемуарами «Дочки-матери». Приезжала я обычно к вечеру, прямо из редакции. И первым делом, не слушая никаких отговорок, Елена Георгиевна принималась меня кормить. Я соглашалась, даже если была не голодна, потому что это было время поговорить о чём угодно. А с Еленой Георгиевной хотелось разговаривать. Суждения её, хотя и казались мне иногда излишне прямолинейными, были оригинальны, часто справедливы, и умела она находить какие-то правильные слова».

В мемуарах Елены Холмогоровой немало страниц отведено впечатлениям от знакомства с разными странами и культурами. Приведу только один фрагмент, посвящённый Японии, поскольку мне он показался особенно глубоким и поэтичным.

«Мне никогда не проникнуть дальше самых внешних контуров, не то что глубины той философии, которая пронизывает жизнь этой почти марсианской для нас страны. Однако отношение к природе и к вечному миру пронзает меня подлинностью и близостью к моему. Вот, например, пассаж о бумаге из написанного почти сто лет назад эссе Дзюньбитиро Танидзаки “Похвала тени”: “В то время как в европейской бумаге мы видим только предмет практической необходимости и ничего больше, при взгляде на бумагу китайскую или японскую мы воспринимаем от неё какую-то теплоту, доставляющую нам внутреннее успокоение. Одна и та же белизна носит совершенно иной характер в бумаге европейской, с одной стороны, и в бумаге японской хосё либо белой китайской тоси — с другой. Поверхность европейской бумаги имеет склонность отбрасывать от себя лучи, в то время как поверхность хосё и тоси мягко поглощает в себя лучи света, подобно пушистой поверхности первого снега. Вместе с тем листы этих сортов бумаги очень эластичны на ощупь и не производят никакого шума, когда их перегибаешь или складываешь. Прикосновение к ним даёт то же ощущение, что и прикосновение к листьям дерева: бесщумности и некоторой влажности”».

О том, какое ощущение возникло у меня от знакомства с книгой рассказов Елены Холмогоровой, я уже в целом попытался описать выше, но в заключение отмечу ещё один немаловажный момент, задающий нерв всем историям, — это умение автора посмотреть на себя с самоиронией, как бы со стороны, и её влюбленность в поэзию. Особенно часто в книге встречаются цитаты из Арсения Тарковского. И строкой из его же стихотворения «Малютка-жизнь» книга и заканчивается. Этот гимн жизни напоминает нам, что *перевоплощение в слово* невозможно без любви и самоотдачи:

А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое! ■